

Г. М. Кржижановский

ШУ-ШУ

*Из воспоминаний
о В. И. Ленине*

Издательство «Детская литература»

МАЛЕНЬКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

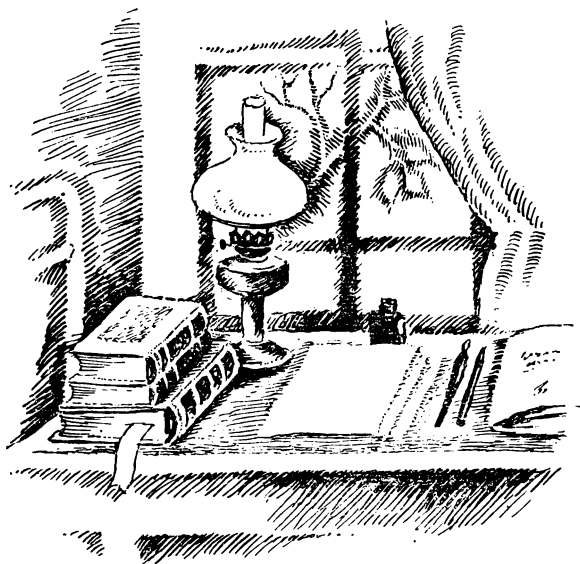

Г. М. Кржижановский

ШУ-ШУ

*Из воспоминаний
о В. И. Ленине*

МАЛЕНЬКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

МОСКВА

„ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА“

1984

13.5
К81

Рисунки Ю. Урманчеева

Кржижановский Г. М.

К81 Шу-шу: Из воспоминаний о Владимире Ильиче Ленине/Рис. Ю. Урманчеева.— Переизд.— М.: Дет. лит., 1984.— 32 с., ил.— (Маленькая историческая б-ка).

5 к.

Воспоминания Глеба Максимилиановича Кржижановского, верного друга и соратника Владимира Ильича Ленина.

К 4803010102—539 Без объявл.
М101(03)84

ББК 13.5
ЗК 26

© Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1978 г.

Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ

Глеб Максимилианович Кржижановский прожил счастливую жизнь.

Жизнь Кржижановского была счастливой потому, что революционная борьба — это счастье, а Глеб Максимилианович был бойцом Революции.

Было в жизни Глеба Максимилиановича и ещё нечто такое, что сделало её счастливой по-особому. Он был близким другом Владимира Ильича Ленина...

Стояли чугунные девяностые годы прошлого века.

В эти годы и повстречал студент-технолог Глеб Кржижановский молодого волжанина, имя которого позже стало известно миру.

Впервые Кржижановский увидел Владимира Ильича в одной из невзрачных комнатёнок общежития «Общества дешёвых квартир». Дом этот населяли курсистки и студенты, с жандармской «кочки» зрения — люд самый что ни на есть сомнительный. Там-то, в общежитии, и собрались питерские социал-демократы.

Потом они виделись часто. Вскоре, как говорил сам Глеб Максимилианович, он начал уличать себя в чувстве какой-то неизъяснимой полноты жизни именно в присутствии Ульянова. «Уходил он,— писал впоследствии Кржижановский,— и как-то сразу меркли краски, а мысли летели ему вдогонку».

Это чувство полноты жизни возникало не только оттого, что Владимир Ильич уже тогда был великолепным знатоком Маркса, но и оттого, что были ему присущи простота и сердечность, заразительная весёлость и поистине трогательная внимательность к товарищам.

Занятия в рабочих кружках, опасные хлопоты с печатанием и распространением листовок, сокрушительный натиск на противников марксизма, наконец создание «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» — этим полнилось до краёв время.

Кончался год девяносто пятый. В одну из декабрьских ночей несколько жандармских карет гулко прокатились по узкой Шпалерной улице. На Шпалерную выходил фасадом печально знаменитый в тогдашнем Питере Дом предварительного заключения. В ночь с 8 на 9 декабря в «предварилку» были доставлены агентами охранки Ленин и его соратники по «Союзу борьбы». За Владимиром Ильичём затворилась дверь камеры № 193. Замок другой камеры в той же «предварилке» защёлкнулся за спиной Кржижановского.

Четырнадцать месяцев пробыли они в тюрьме, которую ещё прежде поколение революционеров окрестило метко и точно — Домом предварительного заключения.

Владимир Ильич и в «предварилке» руководил своими друзьями. Ему удалось наладить с ними тайную переписку. «...Получить и прочесть его письмо,— вспоминал Глеб Максимилианович,— это было равнозначно приёму какого-то особо укрепляющего и бодрящего напитка, это означало — немедленно подбодриться и подтянуться духовно».

Ленин и его друзья по «Союзу борьбы» были отправлены в сибирскую ссылку. Там разделяли Кржижановского с Владимиром Ильичём уже не тюремные стены, не замки и надзиратели, а расстояние в сто вёрст. Ленин жил в селе Шушенском, Кржижановский — в селе Тесинском.

И в Тесинском получал Кржижановский бодрящие весточки от Владимира Ильича. Глеб Максимилианович упрямо добивался от начальства разрешения на поездку в Шушенское.

Он приехал к Ленину накануне нового, 1898 года. Приехал

на десять дней, и это были по-настоящему праздничные дни. «Живём мы отлично», — с радостью сообщал Владимир Ильич родным. А после отъезда Кржижановского Владимир Ильич писал им: «Глебу очень понравилась Шу-ша: он уверяет, что она гораздо лучше Теси (а я то же говорил про Тесь! Я над ним подшучивал, что, мол, там лучше, где нас нет), что здесь есть лес близко (по которому и зимой гулять отлично) и прекрасный вид на отдалённые Саяны. Саяны его приводят в восторг, особенно в ясные дни при хорошем освещении. Кстати, Глеб стал теперь великим охотником до пения, так что мои молчаливые комнаты повеселели с его приездом и опять затихли с отъездом... Здоровье Глеба у меня несколько поправилось благодаря правильному режиму и обильным прогулкам, и он уехал очень ободрённый».

А перед тем как совсем оставить Минусинский округ, Кржижановский вновь посетил Шушенское. На всю жизнь запомнился ему Владимир Ильич, идущий своим упругим, энергическим шагом по берегу Енисея, и снега вокруг, и холодный диск луны, и мерцающий лёд, и хруст мёрзлого снега. В ту ночь Ленин рассказывал Кржижановскому о том, как мыслит он будущую революционную работу...

В подполье, в тюрьме, в ссылке возникли и укрепились навсегда задушевные отношения Владимира Ильича Ленина с Глебом Максимилиановичем Кржижановским.

Надолго разлучались они. Но сколько б ни длилась разлука, где б ни увидел вновь Ленина Кржижановский — в женевском ли эмигрантском предместье, в вулканическом ли Питере дней первой русской революции, в кремлёвском ли кабинете после Октября, — каждый раз и всё с бóльшей силой охватывало Глеба Максимилиановича чувство «полноты жизни», и всякий раз получал он тот «бодрящий напиток», который окрылял душу.

Когда же началось строительство нового мира, Председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ленин поручил своему старому соратнику, в партбилете которого значился 1893 год как год вступления в партию, дело громадной важности.

«Коммунизм, — говорил Владимир Ильич, — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны». Вот этот «плюс»

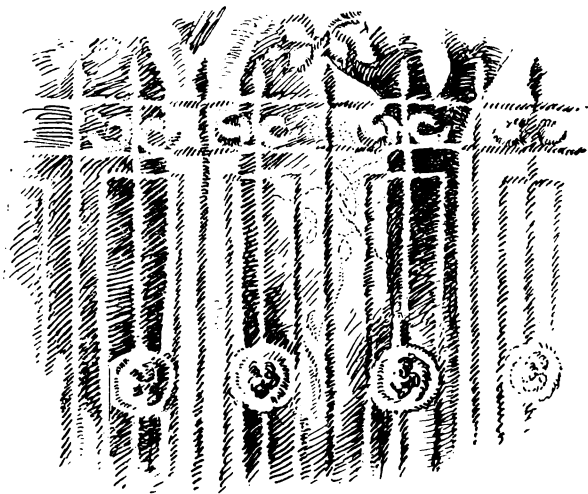
и поручил Ленин планировать Кржижановскому. Глеб Максимилианович возглавил в 1920 году комиссию, составлявшую великий план Электрической Зари.

Долгие годы работал Глеб Максимилианович председателем Госплана. Много лет был он членом Центрального Комитета партии. Годы и годы занимал пост вице-президента Академии наук СССР. Пятью орденами Ленина наградил его народ, удостоил высокого звания Героя Социалистического Труда.

Г. М. Кржижановский умер в марте 1959 года. Когда прах Глеба Максимилиановича принимала Кремлёвская стена, над Красной площадью гремела «Варшавянка», та грозная «Варшавянка», автором русского текста которой был Кржижановский, та огненная «Варшавянка», с которой он и его товарищи вышли из тюремных ворот, отправляясь в ссылку, та победная «Варшавянка», которую пели в пороховом дыму баррикад и в армейских эшелонах, на похоронах павших и на первых субботниках:

Но мы поднимем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу...

За лучший мир боролся Глеб Максимилианович Кржижановский. Счастливую он жизнь прожил!

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

С Владимиром Ильичём Лениным я познакомился на собрании нашего марксистского кружка в 1893 году.

В то время в Петербурге существовало несколько подпольных революционных кружков. Наш кружок был не очень многочисленным. Состоял он главным образом из таких же, как я, студентов Технологического института.

Как-то один из товарищей сообщил нам, что в Петербург приехал Владимир Ульянов — брат известного революционера Александра Ульянова, казнённого царём. Об Александре мы все, конечно, слышали, но младшего Ульянова никто из нас тогда не знал.

И вот на квартиру Зинаиды Павловны Невзоро-

вой, где собрался наш кружок, пришёл совсем молодой человек, лет двадцати трёх, очень скромный и как будто на первый взгляд ничем не примечательный.

Но как только Ульянов заговорил, задал несколько вопросов, бросил несколько реплик, нас поразили острота и глубина их. И через несколько минут он совершенно завладел нашим вниманием.

Владимир Ильич восхищал всех, кто с ним соприкасался, не только силой своего ума и исключительной одарённостью, но всем своим духовным обликом, высоким строем души.

И лицо его было прекрасно именно одухотворённостью. В самую первую минуту его внешность могла показаться простой, обычной, но это лишь в самую первую минуту. Острый взгляд его блестящих тёмных глаз, огромный, прекрасных очертаний лоб поражали каждого. Трудно передать выражение его лица, его глаз. Порой, когда он задумывался, глаза казались грустными и суровыми, порой в них мелькала лёгкая, лукаво-ироническая насмешка в соединении с какой-то удивительной глубокой проникновенностью. Во взгляде его была такая сила и живость, что сразу можно было сказать: это человек необычайной энергии.

Работа революционера — очень напряжённая работа. Революционером не может быть «тёпленький» или «теповатый» человек. Здесь нужна страстная энергия.

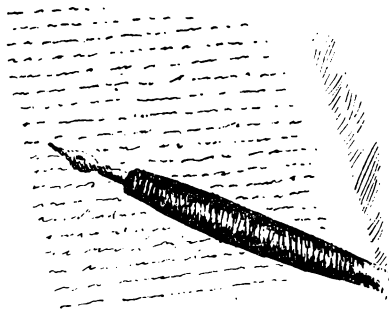
Мы все сразу почувствовали в юноше Ульянове этот страстный темперамент борца. Он создан был для борьбы.

В тот же вечер, когда мы познакомились с Влади-

миром Ильичём, он прочёл нам свою новую работу, посвящённую особенно волновавшей тогда нас, русских марксистов, теме: каким будет путь экономического развития России.

Владимир Ильич в своей работе дал такое чёткое, глубокое и бесспорное решение мучивших нас вопросов, что мы были совершенно потрясены. Мы поняли, что этот человек видит так далеко, как никто из нас.

С этого первого вечера Владимир Ильич стал центром, руководителем нашего кружка.

ЗАМОРСКИЙ ПОДАРОК

За обнажённый лоб и огромные знания Владимиру Ильичу пришлось поплатиться кличкой «Старик». Несмотря на молодость нашего «Старика», прозвище за ним закрепилось.

Не много времени прошло с тех пор, как мы познакомились с Владимиром Ильичём, а всё в нашем кружке переменялось, работа кружка стала совсем иной. Прежде мы были связаны только с небольшой группой рабочих, которым помогали изучать марксистскую теорию, а теперь перешли к широкой агитации на фабриках и заводах. Мы организовывали митинги, маёвки, распространяли прокламации.

С этой целью Владимир Ильич объединил в Петербурге все марксистские рабочие кружки в один «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Мы явно грешили тем, что частенько заходили друг к другу не по деловому поводу, а просто для того, чтобы «отвести душу». Владимир Ильич запретил нам такие посещения.

— Помните, что мы ведём острую борьбу с самодержавием,— сказал он.— Нам надо учиться конспирации у старых революционеров.

Сам Владимир Ильич был великолепным конспиратором. Он умел очень ловко скрываться от сыщиков. Он тщательно изучил расположение проходных дворов Петербурга и, отправляясь на «явку», частенько брал с собой запасную шапку. Заметив шпика, он быстро заходил в ближайший проходной двор, переодевал на ходу шапку, приподнимал воротник и появлялся уже на другой улице совсем неузнаваемым.

Прошло немного месяцев моего знакомства с этим своеобразным «Стариком», как я уже начал уличать себя в чувстве какой-то особой полноты жизни именно в присутствии, в дружеской беседе с этим человеком. Уходил он — и как-то сразу меркли краски, а мысли летели ему вдогонку...

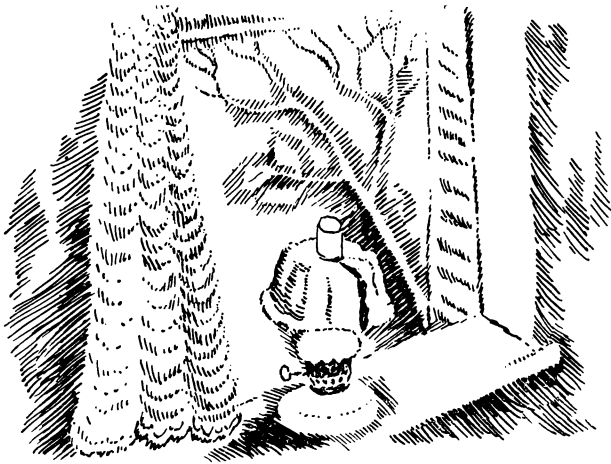
В 1895 году Владимир Ильич ездил за границу, чтобы установить связь с группой русских марксистов-эмигрантов. Возвращаясь из-за границы, Ленин сумел спрятать от сыщиков и провезти в чемодане с двойным дном нелегальную литературу и ещё один заморский подарок: начинавший в то время входить в употребление мимеограф¹. Жандармы подозревали,

¹ М и м е о г р а ф — станок, на котором размножали листовки.

что Ленин из-за границы приехал не с пустым чемоданом, и установили за ним наблюдение. Но Владимир Ильич тоже догадался, что за чемоданом следят, и решил провести шпиков. Заехав к одним знакомым и вынув из чемодана печатный прибор, Владимир Ильич передал пустой чемодан двум студентам и поручил «утопить» его обязательно на виду у шпиков. Потом мы все до колик хохотали над рассказом этих студентов. Два часа они возили по городу на извозчике чемодан, набитый камнями. За ними неизменно следовали на другом извозчике шпики. Наконец студенты со всеми предосторожностями, но так, чтобы шпики видели, утопили чемодан в Екатерининском канале. Вот была жандармам забота вытаскивать из воды чемодан с камнями!

— Рожи-то, рожи-то у них какие были при этом! — хохотал Владимир Ильич.

А этот мимеограф немало поработал впоследствии для дела просвещения петербургского пролетариата.

ДРУГ БОЛЕН

Однажды Владимир Ильич простудился и заболел. У него открылось воспаление лёгких. Страшная по тем временам болезнь даже для молодого крепкого организма. Мы очень волновались за Владимира Ильича. Совсем недавно в Петербурге умерла сестра Владимира Ильича — Ольга.

Во время болезни Владимир Ильич стал нам всем как-то ещё ближе, ещё дороже. Мы боялись потерять его. По очереди дежурили мы у постели больного. Болел Владимир Ильич тяжело. Он лежал неподвижный, весь укутанный компрессами, обложенный грелками. Особенно больно было смотреть на его исхудавшее лицо.

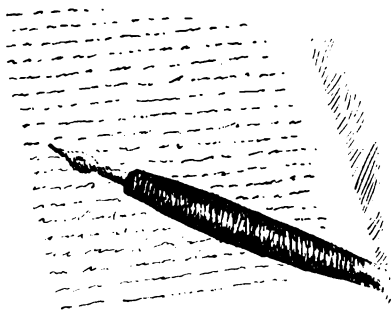
Сам Ленин стойко переносил болезнь.

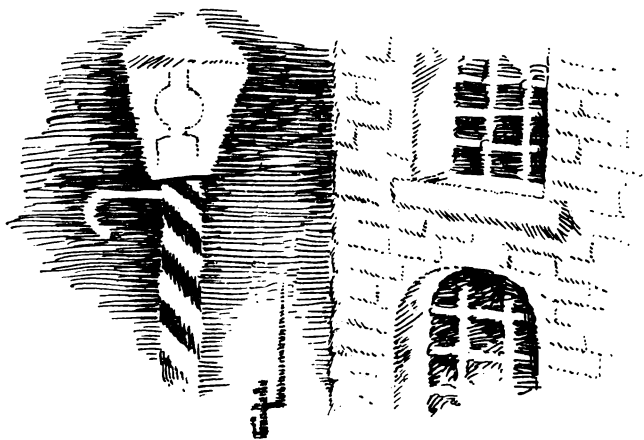
— Только, пожалуйста, ничего не сообщайте Марии Александровне. Мама и так много пережила за последнее время,— просил он нас.

Иногда, очнувшись от забытья и видя кого-нибудь у постели, Ильич спрашивал:

— Зачем вы дежурите у постели? Вы идите-ка к своим делам. Ничего, я сам.

Как радовались все мы выздоровлению Ильича! С какой энергией мы под его руководством развернули нелегальную революционную работу среди петербургских рабочих!

«ПРЕДВАРИЛКА»

К концу зимы 1895 года тучи явно сгущались над нами. Хуже всего было то, что шпионская слежка приобретала временами до некоторой степени загадочную форму. Выходишь из дому, стараясь замести за собой следы по всем правилам конспирации, и вдруг на каком-нибудь отдельном этапе своего пути видишь как из-под земли выросшую фигуру явно выслеживающего шпиона. Впоследствии при наличии таких примет мы, конечно, поступали гораздо более практично: сменяли паспорта и район действия, но в те времена мы были ещё неискушёнными новичками. Прибавьте к этому ещё и тот естественный молодой задор, который влечёт к отважным операциям, прямой лобовой атаке...

Так или иначе, но 8 декабря 1895 года, глубокой ночью, мы очутились в том своеобразном здании на Шпалерной улице, которое именовалось петербургской «предварилкой» (Дом предварительного заключения). В стенах этого дома нам предстояло провести целых четырнадцать месяцев...

Несмотря на крайне суровый режим тогдашней «предварилки», нам всё же удалось при посредстве тюремной библиотеки и при посредничестве лиц, приходивших к нам на свидания, вступить в деятельные сношения друг с другом.

Мы сидели в «одиночках». Пять шагов в длину, три шага в ширину. Высоко под потолком — небольшое оконце. Откидные стол и стул, ввинченная в стену кровать, в двери — глазок для надзирателя.

Каждый день нас по одному выводили гулять. Гуляли мы в маленьких деревянных клетушках, разгораживающих тюремный двор. В середине, на вышке, медленно расхаживал часовой, следя за тем, чтобы заключённые не переговаривались.

Из окна моей камеры, подтянувшись на руках, можно было увидеть тюремный двор и товарищей на прогулке. Это было не так-то просто: сквозь глазок в тяжёлой запертой двери почти непрерывно следил надзиратель. Но никакие силы не могли удержать меня в те часы, когда на прогулке должен был быть, по моим расчётам, Владимир Ильич.

И сейчас проносится в моей памяти дорогое его лицо, эти поспешные сигналы и невольная оглядка на находящегося в центре круга прогулок угрюмого часового.

Как-то раз я смотрел в окно. По двору гулял Владимир Ильич. Вдруг он оглянулся на часового, потом посмотрел на меня с какой-то особой весёлой напряжённостью во взгляде и поспешно на пальцах протелеграфировал мне по тюремной азбуке: «Под тобой ХОХОЛ».

«Хохлом» мы звали нашего товарища Степана Ивановича Радченко.

Я бросился на пол своей надоевшей камеры и в узкое отверстие, окружающее обшлагом железную трубу отопления, кричу своему соседу:

— Степан! Степан!

Снизу доносится приглушённый голос:

— Неужели это ты здесь?

Быстро написав зашифрованную записку о том, как мы держались на допросе и что надо говорить, я протолкнул записку в щель. Было удивительно, что его посадили рядом со мной: тюремное начальство всегда старалось окружить политических заключённых уголовниками. И Владимир Ильич не замедлил использовать эту ситуацию.

А потом на допросе следователь удивлялся согласованности показаний только что арестованного Радченко с нашими показаниями.

Мы условились о шифре для переписки ещё на воле, зная, что революционер должен быть готов к любым неожиданностям.

В тюрьме мы все вели деятельную переписку друг с другом. В письмах делились новостями, полученными с воли, рассказывали о своей жизни в тюрьме. Использовали мы для этого книги из тюремной библиотеки,

уговорившись заранее, в каких книгах, на какой странице искать условные значки.

Помню один курьёзный случай в нашей переписке. Владимир Ильич ждал письма от меня. Получив из тюремной библиотеки нужную книгу, он стал расшифровывать условленную страницу. Что такое? Ничего не получается. Ох и рассердился на меня Владимир Ильич, думая, что я всё напутал! Два дня бился он, расшифровывая это письмо, и всё же наконец прочитал его. Оказалось, что это писал кто-то другой, и совсем другим, незнакомым шифром. Со своей обычной настойчивостью Владимир Ильич сумел раскрыть секрет шифра. За все четырнадцать месяцев отсидки мне ни разу не пришлось столкнуться с Владимиром Ильичём в каком-нибудь из длинных коридоров «предварилки». Но когда в тех же коридорах с грохотом волокли целые корзины книг, я прекрасно отдавал себе отчёт, что поглощать эти книги мог только один Владимир Ильич...

Не приходится останавливаться на том, как заразителен был пример учёбы Владимира Ильича в стенах тюрьмы для нас и как мы вместе с ним старались использовать своё узничество в качестве своего рода сверхуниверситета. Однако ещё бóльшую роль в этом направлении он сыграл для всего нашего кружка за время пребывания в ссылке.

ШУ-ШУ

В пятидесяти шести верстах от Минусинска по Енисею, на реке Шушь, расположилось село Шушенское, где отбывал ссылку Владимир Ильич. Мне и В. В. Старкову назначили местом ссылки село Тесинское. Остальных наших товарищей сослали в другие места, на расстояние десятков и сотен вёрст друг от друга. Царские жандармы не разрешали революционерам даже в далёкой сибирской ссылке жить вместе.

Село Шушенское Владимир Ильич в шутку называл «Шу-шу-шу».

Своей матери, Марии Александровне, к которой он относился с нежной заботливостью и с каждой почтой посылал подробные письма, Владимир Ильич описывал «Шу-шу-шу» как «недурное село», где он

устроился настолько хорошо, что беспокоиться матери уже нет резонов. В одном из своих писем он даже написал: «Лето я проведу, следовательно, в «Сибирской Италии», как зовут здесь юг Минусинского округа». В этой «Италии» нередко случались морозы в сорок и больше градусов!

Изредка нам удавалось ездить друг к другу в «гости». И это были самые радостные дни в нашей однообразной ссыльной жизни.

В конце 1897 года мне разрешили поездку в Шушенское.

Накануне нового, 1898 года Владимир Ильич писал своей матери: «У меня теперь живёт вот уже несколько дней Глеб, получивший разрешение на 10-дневную поездку ко мне. Живём мы отлично и очень много гуляем, благо погода стоит большей частью очень тёплая. После одного дня, когда мороз доходил, говорят, до 36°R (недели полторы назад) и после нескольких дней с метелью («погодой», как говорят сибиряки), установились очень тёплые дни, и мы охотимся очень усердно, хотя и очень несчастливо. Зимой какая уж тут охота! Прогулки зато приятные».

А в другом письме к ней он писал: «Праздники были нынче в Шу-шу-шу настоящие, и я не заметил, как прошли эти десять дней. Глебу очень понравилась Шу-ша: он уверяет, что она гораздо лучше Теси (а я то же говорил про Тесь! Я над ним подшучивал, что, мол, там лучше, где нас нет) ...»

В этом письме Владимир Ильич просил прислать нот для меня, он постоянно заботился о товарищах больше, чем о самом себе. Правда, это не мешало

ему мило, необходимо, как только он один умел это делать, подшучивать над моей страстью к пению. Как-то после окончания ссылки сестра Владимира Ильича — Мария Ильинична Ульянова («Маняша», как звал её Ленин) показала мне его письма из Шушенского.

«На вопрос Маняши,— писал Ильич,— какой у Глеба голос. Гм, гм! Должно быть, баритон, что ли. Да он те же вещи поёт, что и мы, бывало, с Марком¹ «кричали» (как няня выражалась)».

Владимир Ильич особенно любил песню о борьбе за свободу: «Смело, товарищи, в ногу» и переведённые мною с польского языка революционные песни «Варшавянка» и «Беснуйтесь, тираны».

Как-то нам, ссыльным революционерам, удалось собраться всем вместе. Нам нужно было поговорить об очень важных политических вопросах. Обсуждением руководил Владимир Ильич.

А когда мы кончили работу, он же был зачинщиком веселья.

В жизни Ленин был очень простым, общительным, весёлым человеком.

— Такой учёный человек и такой простой! — говорили про него сибирские крестьяне.

Всё в нём привлекало. И то, как он насмешливо прищуривал глаз, и даже то, как он картавил. Я очень любил, когда он, сунув пальцы под мышки за жилет,

¹ Марк Тимофеевич Елизаров — профессиональный революционер, соратник и друг Владимира Ильича, муж Анны Ильиничны Ульяновой.

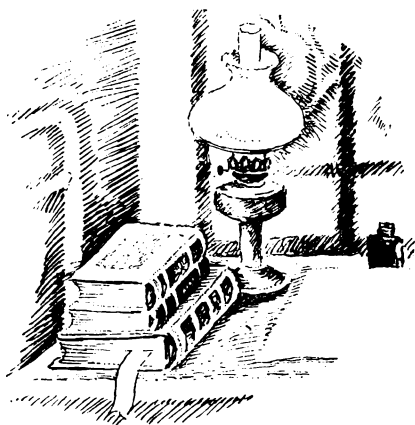
чуть склонив голову к плечу, начинает стремительно ходить по комнате. Было в этой его позе что-то удивительно милое.

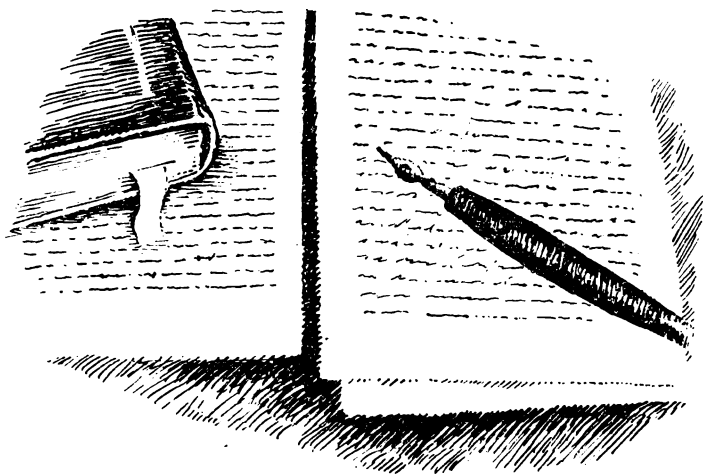
Смеялся Владимир Ильич от души, до слёз, как может смеяться только очень хороший человек. Недаром его так любили дети, и он так любил детей.

Но он мог быть и суровым, когда это требовалось для блага народа.

Ленин очень любил Некрасова. Он часто повторял некрасовские строчки:

То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.

ЗА РАБОТОЙ

Владимир Ильич всегда очень много работал. И в ссылку и в тюрьму ему присылали массу книг. Мы дивились, когда он успевал их прочитывать. А ведь он не просто читал книги, он тщательно изучал их, делал выписки, заметки. В ссылке Ленин написал свыше тридцати работ, в числе их и большую книгу — «Развитие капитализма в России». И при этом для заработка он вынужден был переводить книги с английского и немецкого языков.

Владимир Ильич всё делал страстно, с увлечением. Когда я был у него в Шушенском, он вставал всегда первым, рано утром, и начинал энергично трясти меня:
— Вставай, лежебока!

Умывшись ледяной водой, сделав гимнастику и позавтракав, Ленин садился за работу.

Владимир Ильич во всём любил порядок и чистоту. Комната его была опрятно убрана. Все вещи лежали на своих местах. Одежда его тоже была аккуратна, никогда, даже в домашней обстановке, он не ходил одетым небрежно.

А какой идеальный порядок был у него на столе! Всё всегда было на месте, ничего не приходилось искать.

Работал Ленин необычайно сосредоточенно, сразу же целиком погружался в работу, и видно было, что она доставляет ему наслаждение.

Писал Владимир Ильич чётким «бисерным» почерком, с изумительной быстротой. Листки с выписками выглядели у него так же аккуратно, как и переписанные набело рукописи.

Этих листков с выписками из книг и с заметками было у Владимира Ильича огромное количество. Ведь только для того чтобы написать «Развитие капитализма в России», он прочёл больше шестисот книг!

Особенное внимание он уделял статистическим сборникам: из цифровых данных — «точных и бесспорных фактов» — создавалась правдивая картина положения в стране. Вспоминая Шушенское, я так и вижу Владимира Ильича со счётами, на которых он часами складывал цифры, сопоставлял, сравнивал и затем снова проверял их на счётах.

Иногда он вдруг откладывал книгу в сторону и прохаживался по комнате, раздумывая над прочитанным, потом вновь углублялся в чтение.

Он любил обдумывать свои мысли на ходу. Не-

редко во время прогулок он обсуждал с нами то, что собирался написать.

А когда писал, то время от времени перечитывал написанное вслух.

— Всё понятно? — спрашивал он.

И если что-то казалось нам спорным или туманным, он исправлял написанное, добиваясь предельной чёткости мысли, ясности языка.

Владимир Ильич любил словари и часто пользовался ими. Стоило при нём употребить какое-либо слово, произношение или смысл которого казался Владимиру Ильичу спорным, как он немедленно учинял допрос:

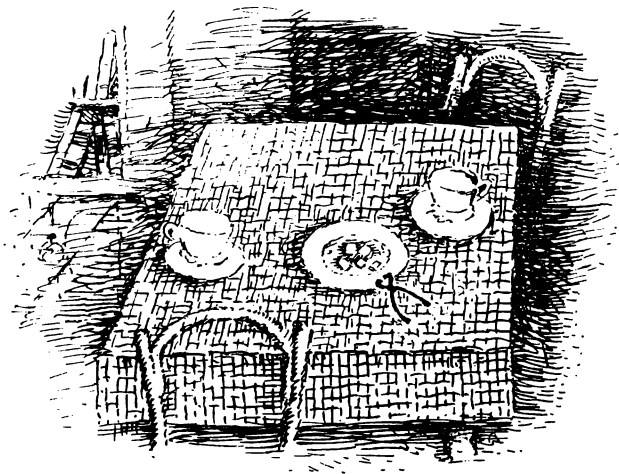
— Откуда вы взяли это слово? Вы правильно его употребляете? Посмотрим, что скажут словари.

И он доставал с полки словарь.

Однажды мы со Старковым послали Владимиру Ильичу какой-то наш перевод с немецкого, чтобы он высказал своё мнение о нём. Владимир Ильич вернул нам рукопись с многочисленными пометками и поправками.

Это был для нас очень поучительный урок того, как тщательно надо работать над каждой фразой, над каждым словом.

Ни в чём: ни в работе, ни в жизни — Ленин не терпел небрежности.

КАК ВСЕ

В трудные, голодные годы Владимиру Ильичу часто присылали подарки. Иногда их приносили деревенские ходоки.

— Неудобно, знаете, отказаться,— с застенчивой улыбкой говорил он,— от души присылают, обижаются, когда отсылаю обратно.

Посылки Владимир Ильич обычно отправлял в детские дома или угощал товарищей тем, что ему присылали.

— Пейте сладкий чай. Вам полезно,— уговаривал он меня, получив посылку с Украины.

— А вы? Почему вы пьёте чай вприкуску с маленьким кусочком сахара? Кладите в стакан...

— Нет, нет, я привык так,— отвечал Ленин.

А дело, конечно, было не в привычке. Просто он хотел жить, как жили все в это трудное время.

Владимир Ильич очень любил и понимал, как все в семье Ульяновых, музыку. Но после революции, когда Ленин особенно напряжённо работал, он отказал себе в этом удовольствии.

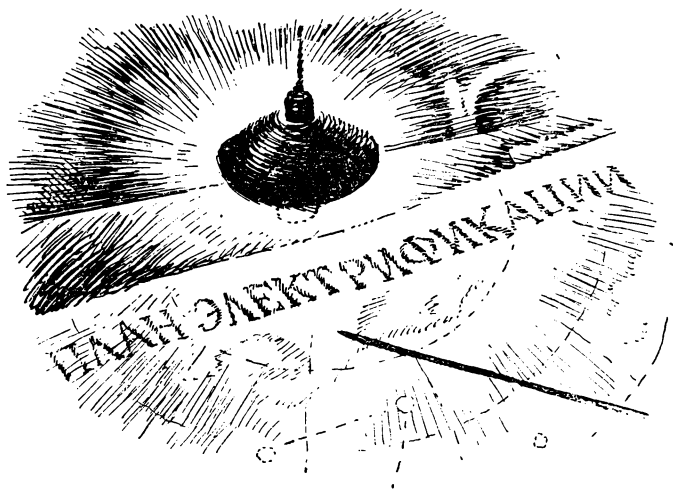
— Не могу, Глеб Максимилианович: она слишком сильно на меня действует,— говорил он.

Он всего себя отдавал работе во имя революции.

По отношению к себе Владимир Ильич был беспощаден. От напряжённого умственного труда он страдал бессонницей. Ночью, перед сном, он ходил гулять, чтобы заснуть. Но и это не помогало. И утром он выходил из комнаты совершенно измученным.

Я часто уговаривал Владимира Ильича отдохнуть, поберечься и однажды сказал ему, что он работой погубит себя.

— А разве наше дело не стоит этого? — ответил мне Ленин.

НЕСБЫТОЧНОЕ СБЫЛОСЬ

Тяжело было нашей стране в начале 1920 года. У нас ещё не кончилась гражданская война, и послевоенная разруха давала себя знать на каждом шагу: стояли фабрики и заводы, поезда не ходили, не хватало продовольствия, в стране был голод.

И вот в это трудное время Владимир Ильич созвал нас, русских учёных и инженеров, и поручил нам составить единый государственный план электрификации России. Могучая сила электричества должна была помочь нам перестроить всё хозяйство, построить в нашей стране социализм. Этот план Владимир Ильич называл впоследствии программой нашей партии.

Многим смелый план Владимира Ильича казался дерзкой, несбыточной мечтой. Английский писатель

Уэллс, приехав в Россию, беседовал с Владимиром Ильичём о плане ГОЭЛРО. Он был убеждён, что электрификация возможна в такой стране, как Англия, но по отношению к огромной, разорённой войной России — это фантастика. И всё же убеждённость Владимира Ильича, его неиссякаемая энергия колебали даже Уэллса, и он признал, что считает электрификацию России возможной, если за это дело возьмётся Владимир Ильич.

Как председатель комиссии по составлению плана ГОЭЛРО и как председатель Госплана я часто приходил к Владимиру Ильичу в Кремль, советовался с ним по делам электрификации.

Комиссия должна была подготовить проект плана в очень короткий срок. Работали мы с лихорадочной поспешностью, отправляя книгу в типографию по частям, как только были готовы отдельные главы. Один экземпляр набранной рукописи прямо из типографии посылали Ленину. Как мы волновались, ожидая его телефонного звонка!

Владимир Ильич остался доволен нашей работой. Помню, что он внёс в корректуру лишь одну поправку. Между тем в других случаях, когда приходилось показывать Ленину свои статьи, он возвращал их, испещрённые выразительными подчёркиваниями и не менее выразительными замечаниями на полях. «Да!» — писал он на полях той страницы, с которой соглашался. «Гм-гм», — иронически помечал он в тех местах, где я был неточен. А найдя пометку «Ха!», я знал, что уж тут-то я совсем провалился, недодумал чего-то.

С необычайным душевным подъёмом шли мы все-

гда к Ленину в Кремль. Присутствие Владимира Ильича заставляло особенно напряжённо работать мысль. Бывало, идёшь к нему и как-то незаметно для себя подтягиваешься, стараешься сам решить трудные вопросы, чтобы не отнимать у Владимира Ильича лишнего времени.

Владимир Ильич удивительно умел выслушивать людей. Он обладал особым даром с полуслова подхватывать и направлять мысль собеседника, не прерывая его, не навязывая своего мнения. В самых сложных, неизвестных ему вопросах, например в вопросах техники, он разбирался удивительно быстро. Я даже подшучивал над ним, что техника много потеряла от того, что в юности он изучал юриспруденцию.

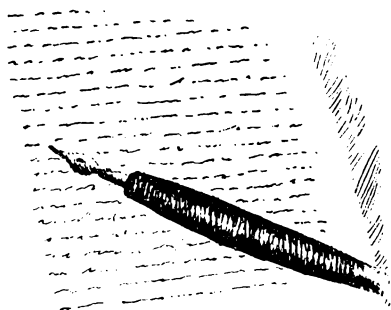
Всё, что было связано с вопросами науки, очень интересовало Ленина. Даже в те немногие минуты отдыха, которыми располагал Владимир Ильич, не было лучшего средства отвлечь его от повседневных забот, чем беседа о новостях науки и завоеваниях техники.

В период нашей работы над планом ГОЭЛРО Владимир Ильич входил во все подробности плана, интересовался, как можно использовать торфяные болота, где лучше ставить электрические станции, сколько областей возможно осветить в первую очередь при тогдашнем нашем состоянии техники, сколько лампочек мы можем сделать, сколько надо заготовить столбов, изоляторов, проводов. По указанию Владимира Ильича в уезды и волости рассылались анкеты с подробными вопросами относительно электрификации. Владимир Ильич стремился привлечь весь народ к обсуждению плана ГОЭЛРО и его выполнению.

Когда он прочитал наш план, он написал в письме: «Нельзя ли добавить план не технический, а политический или государственный, т. е. задание пролетариату?»»

Он говорил, что надо доказать народу громадную выгоду, необходимость электрификации, надо увлечь рабочих и крестьян этой великой программой.

Глубокая, неиссякаемая вера в народ, в его могучие творческие силы жила во Владимире Ильиче. И он, как никто другой, умел вызвать к жизни эти силы, направить их. Он был подлинным вождём народа.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Г. М. Кржижановский</i>	3
Первая встреча	7
Заморский подарок	10
Друг болен	13
«Предварилка»	15
Шу-шу	19
За работой	23
Как все	26
Несбыточное сбылось	28

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Отзывы об этой книге
издательство просит присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

для младшего школьного возраста

Глеб Максимилианович Кржижановский

ШУ-ШУ

Из воспоминаний о В. И. Ленине

ИБ № 9281

Ответственный редактор *С. П. Мосейчук*. Художественный редактор *О. К. Кондакова*. Технический редактор *М. В. Гагарина*. Корректор *Э. Н. Сизова*. Подписано к печати с готовых диапозитивов 24.10.84. Формат 60 × 84¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Шрифт таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 1,86. Усл. кр.-отт. 2,33. Уч.-изд. л. 1,1. Тираж 150 000 экз. Заказ № 6286. Цена 5 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Суцёвский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

5 коп.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

в 1984 году в серии

«Маленькая историческая библиотека»

выйдут следующие книги:

Папанин И.

НА ПОЛЮСЕ.

Рассказы знаменитого советского полярника И. Д. Папанина о том, как мужественная четверка советских людей впервые покорила Северный полюс.

Ян В. Н.

НИКИТА И МИКИТКА.

Исторический рассказ о Москве времен Ивана Грозного (XVI в.), о том, как учились боярские и крестьянские дети, о крепостном мальчике Микитке — ученике талантливого русского первопечатника Ивана Федорова (ок. 1510—1583).